

DOI: 10.31312/2310-6085-2025-20-2-71-85

УДК 316.485.6

ПРОБЛЕМА ПЬЯНСТВА КАК КАУЗАЛЬНЫЙ ФОН СКЛАДЫВАНИЯ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

А. Н. Сунами

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, 199034,
Российская Федерация

Аннотация: В статье исследуются исторические особенности регулирования торговли алкоголем, характерные паттерны рефлексии проблемы пьянства различными слоями российского общества, механизма культурального распространения психоактивных товаров в российском государстве. Автор анализируется контекстуальная связь опыта борьбы с пьянством с глубинными основаниями российской модели антинаркотической политики. Используя широкий исторический материал, работы И.Г. Прыжова, С.А. Сафронова, Е.В. Долгих и других исследователей, автор проводит реконструкцию складывания алкогольной политики и трезвеннического дискурса в Российской империи. Акцентируется внимание на характерных особенностях политики в отношении рынка алкоголя: жесткое государственное регулирование, борьба с нелегальным рынком, противоречие между экономической выгодой и потерями в человеческом капитале. Заключается, что результатом алкогольной политики стало появления комплекса социальных институтов и ассоциированных с ними практик (специальных медицинских учреждений, органов правоохранительного контроля, научных школ, нацеленных на изучение профилактики и борьбы с алкоголизмом), что позволило к моменту обострения наркоситуации в начале XX века иметь развитую инфраструктуру, опыт и практики работы с зависимостями, сеть трезвеннических организаций. В статье делается вывод, что именно травматический алкогольный опыт, в конечном счете, и обусловил ставший доминирующим рестриктивный паттерн государства и общества в отношении наркорынка, а сформированные в ходе борьбы с пьянством дискурсивные поля, обуславливающие стратегию соперничества, оказались доминирующими, отодвинув на периферию альтернативные дискурсы, которые, в силу преобладания мотивов экономической целесообразности, могли бы стать фундаментом иных мер, как то контрольно-фискальное регулирование наркорынка.

Ключевые слова: алкогольный рынок, конфликт, государство, наркорынок, антинаркотическая политика.

Благодарность: Статья опубликована при финансовой поддержке АНО ДПО «Институт Мира и исследования конфликтов».

Статья поступила в редакцию 19.05.2025; принята к публикации 23.06.2025.

© **Артём Николаевич Сунами** — кандидат политических наук, доцент кафедры конфликтологии Санкт-Петербургского государственного университета, a.sunami@spbu.ru

---

THE “DRINKING PROBLEM” AS A BACKGROUND FOR THE RUSSIAN ANTI-DRUG POLICY MODEL FORMATION

A. N. Sunami

Saint Petersburg State University (SPbU), Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

---

Abstract: The article examines the historical features of alcohol trade regulation, characteristic patterns of reflection on the problem of drunkenness by various strata of Russian society, and the mechanism of cultural distribution of psychoactive goods in the Russia. The author analyzes the contextual connection between the experience of combating drunkenness and the deep foundations of the Russian model of anti-drug policy. Using a wide range of historical material, the works of I.G. Pryzhov, S.A. Safronov, E.V. Dolgih and other researchers, the author reconstructs the formation of alcohol policy and temperance discourse in the Russian Empire. It focuses on the characteristic features of alcohol market policy: strict government regulation, the fight against the illegal market, the contradiction between economic benefits and losses in human capital. It is concluded that the result of alcohol policy was the emergence of a complex of social institutions and associated practices (special medical institutions, law enforcement agencies, scientific schools aimed at studying the prevention and control of alcoholism), which made it possible to have a developed infrastructure, experience and practice in dealing with addictions and a network sober organizations. The article concludes that the traumatic alcohol experience ultimately determined the restrictive pattern of the state and society towards the drug market.

Keywords: alcohol market, conflict, state, drug market, anti-drug policy.

Acknowledgments: The article was published with the financial support of ANO DPO «Institute for Peace and Conflict Research».

Received May 19, 2025; in final form June 23, 2025.

© **Artem N. Sunami** — Cand. Sci. (Policy), associate professor, Department of Conflictology, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, a.sunami@spbu.ru

---

Тема конфликта государства и наркорынка не перестает быть одной из важных составляющих повестки внутренней и внешней политики современной России. На протяжении примерно последних 150 лет этот конфликт неоднократно менял свой формат от жестких стратегий до практически либеральных и обратно, тем не менее, определенные паттерны восприятия

проблемы наркотиков российским обществом и властными кругами оставались во многом неизменными. Что, в свою очередь, позволяет предположить глубинный характер оснований взаимоотношений российского государства с наркорынком. Выявление этих глубинных оснований представляется задачей, без решения которой, сложно оценивать меры, принимаемые в настоящее время в отношении наркоторговли и наркопотребления, а также прогнозировать дальнейший ход конфликта государства и наркорынка. Представляется, что есть ряд регистров, без учета которых был бы невозможен комплексный анализ проблемы. Во-первых, это необходимость рецепции наркорынка как социально-философского феномена, обусловленная разнообразием механизмов распространения наркотиков, что требует рассмотрения легального оборота наркотиков наряду с незаконным. Во-вторых, целостное понимание проблемы конфликта государства и наркорынка требует обращение к социально-философской оптике рефлексии, а именно опоры на такой известный концепт как биополитика. Опираясь на самоочевидную посылку, что Просвещение служит идеологическим условием биополитики, но функциональная востребованность новой рациональности зависит от развития капитализма, полагаем возможным выделить в качестве точки перелома властных паттернов в Российской империи середину XIX века. Таким образом, мы вероятно сможем обнаружить определенные качественные модификации восприятия государством наркорынка в этот период.

Вместе с этим, поиск искомых оснований российской модели антинаркотической политики требует исследования исторических особенностей торговли психоактивными веществами в России и характерные паттерны рефлексии такого рынка, демонстрируемые различными слоями российского общества, а также специфики механизма культурального распространения данных товаров. Важность этого обусловлена тем обстоятельством, что к моменту знакомства России с наркотиками, которое можно было бы оценить как существенное, регулярные политические и экономические институты уже сложились, что характерно и для других европейских стран. Вместе с этим, дебют перехода от абсолютистско-дисциплинарной модели власти к дисциплинарно-биополитической в эпоху Великих реформ также начал осуществляться, прежде чем тема наркотиков стала значимой частью российской повестки. Таким образом, наркорынок осуществил свою экспансию в довольно таки институализированное пространство и, естественно,

не мог полностью избежать наследования имеющихся традиционных практик торговли интернированными в культуру психоактивными веществами (главным образом, речь, конечно же, идет об алкогольной продукции) и соответствующих им форм контроля. Соответственно, оценка степени, характера и объема этого наследства представляется вполне целесообразным в плане понимания социально-философского контекста экспликации зарождения конфликта государства и наркорынка в России. Более того, когда на рубеже XIX–XX веков угрозы, обусловленные наркоторговлей, впервые начинают восприниматься российским обществом как вызов, жесткие меры, предпринимаемые царским правительством в тот же период, хотя и по другим причинам, в отношении пьянства, вплоть до практики «сухого закона», будут оцениваться тогдашними исследователями, как одна из причин, могущих в перспективе спровоцировать риски наркотизации русского населения империи [1]. В свою очередь, одним из факторов схлопывания наркоэпидемии, захлестнувшей широкие слои населения в бурные годы революции и гражданской войны, многие авторы называют постепенное снятие введенного в 1919 году Советом народных комиссаров воспрещения изготовления и продажи спирта, крепких напитков и иных спиртосодержащих веществ на территории страны [2]. Эти и другие обстоятельства позволяют выдвинуть тезис о ненулевой контекстуальной значимости рынка алкоголя относительно наркотиков. Этим и обуславливается интерес к теме влияния особенностей торговли алкоголем в России на формирование отечественной модели антинаркотической политики.

Полагаем излишним подробное обращение к вопросу об истории применения и ассортименте алкогольных напитков Древней Руси, известных нам по летописным и другим письменным свидетельствам, археологии, этнографии, изобразительным памятникам и культурологическим реконструкциям, тем более, что в основном, мы имеем довольно таки типичную картину, характерную для всех оседлых народов, у которой сложилась соответствующая культура потребления. В языческий период в основном это были производимые личными хозяйствами слабоалкогольные продукты брожения (мед ставленый, березовица пьяная, квас, сикера, пиво, брага, сбитень и другие), используемые, как правило, в связке с ритуальными событиями [3]. С принятием христианства начинает использоваться вино. Основываясь на подходе Е.В. Долгих, в реконструкции истории алкогольных товаров в России мы будем опираться на три составляющие: технологию

изготовления и организацию производства; правовое регулирование производства и продажи; потребление [4]. Значительное количество исследователей связывают первый извод соответствующего рынка с феноменом корчмы [5]. Правда, необходимо заметить, что, несмотря на множество признаков наличия этого института у славянских народов приблизительно с XI века, позволяющих предположить его существование с этого времени, по крайней мере, на юго-западных русских землях, первое достоверное упоминание корчмы на Руси относится только к 1359 году [6]. По мнению С.А. Сафронова корчмы как места продажи алкоголя были распределены неравномерно по территории Древней Руси и имели разнообразные формы устройства в плане организации и управления. Корчма могла быть частной или княжеской, могла иметь характер вечевого, городского учреждения [3]. Помимо своей функции как места продажи алкоголя, корчма имела большее значение как общественное пространство. Как и всякий рынок в начале своего пути, крайне прибыльная торговля алкоголем осуществлялась на относительно свободных началах, ограничиваясь податями в пользу тех или иных феодальных субъектов. Как и для любого такого рынка для нее была характерна конкуренция, выражавшаяся в стремлении княжеских дворов избавить свои корчмы от соперников в лице частных. Естественным образом, в период формирования русского централизованного государства, великий князь начинает интересоваться столь прибыльным делом. Существуют различные мнения относительно момента первого явного вмешательства властей в торговлю алкоголем. Например, в историческом труде, опубликованном Государственной канцелярией в 1860 году замечалось следующее: «Время, в которое продажа спиртных напитков сделалась в России источником дохода казны, с точностью неизвестно. Достоверно, однако же, что в XVI столетии существовали в городах казенные питейные дома, а в XVII в. продажа вина, пива и меда составляла уже исключительно право казны» [7, с. 1]. Тем не менее, в академической литературе установилось определенное согласие, что первые ограничения на свободное производство крепких напитков относятся ко времени княжения Ивана III, который изъясил в свою пользу регалию на винокурение, оставив при этом вопрос продажи питания относительно нерегулируемым [8]. При этом известны ограничения еще его отца относительно дней, когда можно употреблять мед и брагу [6].

Следующий и наиболее радикальный шаг к установлению винной монополии осуществил Иван IV, приказав частные корчмы закрыть и заменить

их «царевыми» кабаками. С деятельностью первого русского царя в отношении алкогольного рынка связаны многие элементы, которые в дальнейшем будут устойчиво воспроизводиться в последующих формах государственного контроля и станут их неизменными факторами: приобретение алкогольной отраслью статуса одного из наиболее существенных источников дохода казны и обусловленной этим необходимостью защиты этого ресурса посредством борьбы с теневой частью рынка. Также делегирование права производить и продавать алкоголь используется как форма своеобразного поощрения и покупки лояльности элитных кругов [9]. Как пишет С.А. Сафонов: «Искоренение корчем и утверждение казенной продажи алкоголя было главной целью питейной политики Ивана Грозного. Российское государство все больше и больше входило во вкус «пьяных» денег, которые составляли все большую часть государственного бюджета (до третьей части). В результате корчмы на территории России были закрыты и вместо них появились кабаки. В тех местах, где на открытие кабака у царя не оказывалось денег, он заставлял подданных вкладывать в строительство свои собственные деньги» [3, с. 141].

Ко времени Ивана IV можно отнести и начало складывания антиалкогольного дискурса в России. Изменение характера пьянства, обусловленное стремлением извлечь максимальную прибыль из торговли алкоголем, вплоть до использования кредитных инструментов, приводит к появлению обращений к царю со стороны воевод и священнослужителей, содержащих просьбы ограничить продажу алкоголя. Но если на первоначальном этапе они, как правило, не приводят к существенным коррекциям, то к XVII веку, по мнению исследователей «противоречие <...> между заинтересованностью в росте питейной прибыли (при постоянной нехватке средств в казне) и ущербом от пьянства служилых людей и основных налогоплательщиков» [4, с. 18] становится сложно игнорировать. Хотя в целом, дальнейшее развития государственных мер контроля алкогольного рынка, скорее можно охарактеризовать как чрезвычайно зависимый от постоянно возникающих сиюминутных вызовов поиск всякий раз ускользающего баланса между этими двумя позициями, который продолжился вплоть до конца XIX века. Управление «царевыми кабаками» осуществлялось либо государственными агентами («целовальники») либо уступалось частным лицам («откупщикам») за плату. В целом, несмотря на периодический запрет системы откупов, она оставалась на протяжении столетий основным способом

извлечение государственной прибыли из торговли алкоголем, сохранившись в то или иной форме до эпохи «Великих реформ» Александра II, обывавшего введение акцизной системы с 1 января 1863 г.¹ Правда, уже в царствование Александра III падение питейных сборов привело к возвращению винной монополии.

Алкогольная политика в России до капиталистического перехода и Великих реформ является одним из наиболее очевидных маркеров доминирования модели власти как «права позволить жить или заставить умереть», которую пока не сменила биополитическая оптика «заставить индивида жить или позволить ему умереть» [10]. Главным мотивом суверена в установлении контроля за питейным рынком было наполнение казны, а отнюдь не стремление к сбережению «человеческого капитала». На протяжении всего этого периода значимость «пьяных денег» для бюджета царской России была огромной. В XIX веке доля этой статьи в общих доходах государства колебалась от 16% в 1819 г. до 39,4% в 1859 г. [8, с. 385] Тем не менее, постепенно экономические интересы стали дополняться мотивами сбережения нравственного и физического здоровья. Чему немало способствовал вышеупомянутый постепенно складывающийся «антикабацкий» дискурс.

Тема общественных инициатив борьбы с пьянством в России, представляется нам чрезвычайно важной в контексте исследуемого конфликта государства и наркорынка. Во-первых, от этих сообществ могут отсчитывать свою генеалогию все последующие антинаркотические движения в России. Во-вторых, протестное движение против злоупотребления алкоголем, как представляется, внесло немалый вклад в формирование будущего общественного неприятия наркотиков, которое, как мы можем наблюдать сейчас, до сих пор является детерминантой борьбы государства с наркорынком. Немаловажно отметить определенную специфику этого дискурса. Уже в XIX веке в российских интеллектуальных кругах в ходе осмысления низовой борьбы с пьянством она была значительно объективизирована в терминах противостояния народа и спаивающих его властей. Эта идея нашла свой отклик как среди консервативной части интеллигенции

¹ Положение о питейном сборе, высочайше утвержденное 4 июля 1861 года, с приложением высочайше утвержденного 20 марта 1862 года правил о взысканиях за нарушение постановлений о питейном сборе и судопроизводстве по сим делам. М.: Тип. Ал. Семена, 1862. 160 с.

славянофильского толка, которые использовали этот аргумент в качестве опровержения стереотипа о пьянстве, как имманентной черте русского народа, так и среди либеральной общественности, придавшей этим движениям характер протеста против самодержавия. Наиболее явно противопоставление корчмы как символа исконных демократических начал русского общества и кабака, как отражения тиранического принципа устройства, можно обнаружить в работе И.Г. Прыжова, изданной в 1868 году, ставшей одной из первых рефлексий питейного дела в России и оказавшей значительное влияние на все последующие подобные попытки. Как он писал: «Пьянства в домосковской Руси не было, не было его как порока, разъедающего народный организм. Около питья братски сходилась человек с человеком, сходились мужчины и женщины, и, скрепленная весельем и любовью, двигалась вперед социальная жизнь народа, <...> и питейный дом (корчма) делался центром общественной жизни известного округа» [11, с. 10]. Несмотря на очевидную риторику противопоставления народа и власти, в этом плане нас скорее интересует не этот аспект, а то, что алкогольная тема начинает постепенно индоктринироваться этическими препозициями, что впоследствии найдет свое существенное отражение в репрезентации антиалкогольной и антинаркотической аргументации.

Историю общественной борьбы с пьянством, как с устойчивой и воспроизводимой девиацией, можно вести с середины XVII века, с так называемых «кабацких бунтов», для подавления которых, зачастую, приходилось использовать войска. Одним из важных центров антиалкогольной манифестации становится церковь. Итогом этих восстаний стал созданный в августе 1652 года Земский собор, получивший историческое название «собор о кабаках», закрепивший ограничивающие меры, введенные царем Алексеем Михайловичем (отмена кредита, сокращение количества питейных точек, запрет на потребление алкоголя в определенные дни и т.д.) [12].

Чрезвычайно интересным феноменом, проявившим себя в предреформенный период является «Трезвенное движение» 1858–1860 гг. Общества трезвости начали создаваться летом 1858 года в западных губерниях империи, а уже осенью их ячейки появляются и в центральной России, в конечном счете, этим движением стал охвачен 91 уезд [13]. В отличие от более респектабельных обществ трезвости конца XIX века, первое трезвенное движение приобрело характер восстания. «Крестьяне громили питейные дома, на крестьянских сходах принимали решение отказаться от крепких

спиртных напитков и создавали общества трезвости» [4, с. 32]. Единого мнения о движимых повстанцами мотивах так и не сложилось, многие исследователи отмечают, что центральной можно считать не саму идею трезвости, а рост цен на алкоголь и произвол откупщиков [14]. Тем не менее, этот народный подъем вызвал большой отклик в оппозиционных кругах. Церковь тоже в большой мере сочувствовала этому движению. Как пишут исследователи: «Священнослужители в основе своей поддерживали народную решимость: читали проповеди о наказаниях, которые ждут пьяницу после смерти, напоминали о Божьей каре пьяницам во время исповеди, заканчивали службу псалмом «Благодарение за трезвость», сами показывали пример трезвого образа жизни» [15, с. 251]. Бунт, ожидаемо, был вскоре подавлен силовыми мерами, тем не менее, вероятно, стал фактором вышеупомянутой финансовой реформы Александра II.

Как уже писалось выше, очевидным кандидатом на точку перехода к биополитической модели можно полагать реформы Александра II и снятие ограничений на складывание в России капиталистического способа производства. В специальной литературе сложился относительный консенсус, что впервые в качестве общегосударственной меры «попечение о народном здравии» появляется в «Положении о губернских и уездных земских учреждениях»², утвержденном в 1864 году. В результате чего к имеющимся ранее частным врачебным практикам и ведомственным медицинским заведениям присовокупилась организация широкой медицинской помощи населению, что является, конечно, одним из признаков модификации властной модели [16]. Таким образом, можно зафиксировать запуск в пореформенный период перехода от абсолютистской к биополитической власти, что позволяет заметить соответствие российского опыта выделенной М. Фуко взаимной ассоциации биополитического дискурса и капиталистического способа производства. Конечно, вплоть до запуска советского проекта, революционного в том числе в плане масштаба и качества конституирования биовласти, вряд ли возможно говорить об осуществлении полномасштабной биополитической индоктринации политического управления в России. Пока лишь это робкое и часто непоследовательное вплетение тех или иных биовластных элементов в прежнюю абсолютистскую оболочку, или словами

² Положение о губернских и уездных земских учреждениях // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2, Т. XXXIX (1864).

Х.-Й. Торке осуществление «архаической властью попытки опереться на рационализировавшуюся систему управления» [17, с. 474–475]. Даже «попечение о народном здравии», вероятно, в немалой степени отражает попытку реанимации «народностью» ветшающего механизма легитимации в постниколаевской Империи [18], нежели дрейф к новой рациональности бюрократии. Тем не менее, отметим это как первое значимое для конфликта государства и наркорынка «биополитическое» событие.

Изменение властной модели не замедлило сказаться на радикальном пересмотре алкогольной политики, отразившемся во внезапно возникшей широкой государственной поддержке и систематизации мер по борьбе с пьянством. К ее элементам можно отнести, во-первых инициирование научного обсуждения проблемы зависимостей. Изучается уголовная и медицинская статистика, впервые объектом пристального анализа становятся социальные и психологические факторы злоупотребления, итогом чего стало складывание к началу XX века базовых юридических и психиатрических концепций, позволивших описать зависимость как социальное явление [19]. Во-вторых, начинают работать государственные комиссии при Министерстве финансов для изучения оптимального устройства винокурения в контексте антиалкогольных мер. В-третьих, возрастает общественная инициатива, при Русском обществе охранения народного здравия учреждена «Комиссия по вопросу об алкоголизме, мерах борьбы с ним и для выработки нормального устава заведений для алкоголиков», просуществовавшая до 1916 года, публикуются работы членов трезвеннического движения [20]. В-четвертых, начинает оказываться специализированная медицинская помощь страдающим от пьянства, появляются «лечебницы от вина». 1880-е годы знаменуются активизацией государственных антиалкогольных кампаний, обсуждается комплекс мер по оздоровлению, включающая повышение качества продуктов, борьба с незаконным корчемством, надзор за нравственностью торговцев и так далее [21, с. 227–229]. В пятых введется активная просветительская работа на новых для этого времени началах, в частности, с 1894 года в России ежемесячно стал выходить «Вестник трезвости», печатавший правительственные распоряжения относительно торговли и потребления спиртных напитков, новости Обществ трезвости, очерки о вреде пьянства и его последствиях и тому подобное [22].

Таким образом, мы можем сделать несколько выводов по итогам нашего краткого экскурса в историю регулирования рынка психоактивных веществ

в России. К моменту появления первого вызова со стороны наркорынка можно выделить несколько контекстуальных черт, связанных, прежде всего с опытом алкогольного регулирования, которые мы можем считать значительными в отношении социально-экономических причин генезиса российской антинаркотической политики. Во-первых, для российского алкогольного рынка является характерным жесткое государственное регулирование, возникшее первоначально на основе экономической заинтересованности, оно к моменту актуализации проблемы наркотиков в рамках дрейфа власти в сторону биополитической модели было в значительной мере дополнено представлениями о необходимости осуществления активной политики по борьбе со злоупотреблениями в целях сбережения здоровья населения. Во-вторых, важным элементом генезиса конфликта государства и наркорынка стала непрекращающаяся на протяжении столетий ожесточенная борьба российских властей с нелегальным рынком алкоголя в целях защиты своего экономического интереса, которая впоследствии была спроецирована примерно в таких же формах и на незаконный оборот наркотиков. В-третьих, результатом алкогольного опыта стало появления комплекса социальных институтов и ассоциированных с ними практик (специальных медицинских учреждений, органов правоохранительного контроля, научных школ, нацеленных на профилактику и борьбу с алкоголизмом), таким образом, к моменту дебюта проблемы наркотиков уже была сформирована относительно развитая инфраструктура, наработан опыт и практики работы с зависимостями, которые можно было использовать в отношении нового вызова. В-четвертых, к моменту столкновения российского общества с наркоугрозой, развернута сеть трезвеннических организаций, ставшая далее площадкой выкристаллизации манифестации социальной опасности наркотиков со стороны гражданского общества и опорой государства в конфликте с наркорынком. Ну и наконец, именно травматический алкогольный опыт, в конечном счете, и обусловил ставший доминирующим рестриктивный паттерн государства и общества в отношении наркорынка.

В социально-философском плане, мы можем говорить о сформированности к концу XIX века нескольких дискурсивных полей вокруг взаимодействия российского государства, общества и рынка психоактивных веществ, которые мы в целом можем экстраполировать на отношения российского государства и наркотиков. Наибольшее значения из этих дискурсов имеют: финансово-экономический, связанный с исторически сложившейся

критической важностью этой отрасли для бюджета Российской империи; политико-нормативный, выраженный в выстраивании систем контроля рынка алкоголя и борьбы с нелегальным производством и продажей; моральный, оценивающий продажу алкоголя и пьянство в этически окрашенных категориях безнравственного поведения; научный, фокусирующийся на социальных, психологических и медицинских аспектах пьянства, как формы девиантного поведения; культурный, в центре которого лежит поиск социально приемлемых форм потребления алкоголя. Все эти дискурсивные поля в своей совокупности рождают достаточно сложную ткань аргументации касательно выбора биополитических стратегий государства и общества в отношении рынка социально опасных психоактивных веществ. Вместе с тем, к концу XIX века, то есть моменту синхроничному с обострением наркоситуации в империи, дискурсивные поля, обуславливающие стратегии борьбы, скорее, оказались доминирующими, в определенной степени, отодвинув на периферию альтернативные дискурсы, которые, в силу преобладания мотивов экономической целесообразности, могли бы стать фундаментом более мягких мер, так или иначе, выраженных в контрольно-фискальном регулировании наркорынка.

Список литературы / References

- [1] Левитов И.С. Бузо-гашишный вопрос на наших окраинах. // Известия Императорского русского географического общества. 1909, Т. XLVI, вып. IV–VI. С. 303–332.
Levitov I.S. The buso-hashish issue in our frontier // Izvestija Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva, 1909, No. IV–VI: 303–332. (In Russ.).
- [2] Артеменко Н.А., Петрище Т.Л. Наркомания в 1920-е годы: медицинские, правовые и социокультурные аспекты проблемы. // Вестник Витебского государственного медицинского университета. 2015, №14 (6). С. 93–103.
Artemenko N.A., Petrische, T.L. Drug addiction in the 1920s: medical, legal, and socio-cultural aspects of the problem // Vestnik Vitebskogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta, 2015, No 14 (6): 93–103. (In Russ.).
- [3] Сафронов С.А. «Пьяный вопрос» в России и «сухой закон» 1914–1925 годов: От корчмы до винных акцизов Александра II. Красноярск: СФУ, 2017.
Safronov S.A. The «Drunken Question» in Russia and the «Dry Law» of 1914–1925: From the tavern to the wine taxes of Alexander II. SFU, Krasnoyarsk, 2017. (In Russ.).

- [4] Долгих Е.В. К истории повседневности: очерк потребления спиртных напитков в России (конец XV в. — 1936 г.). // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2015, № 5–6. С. 14–63.
Dolgih E.V. Towards the history of everyday life: an essay on alcohol consumption in Russia (late 15th century — 1936) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 8. Istorija, 2015, no 5–6: 14–63. (In Russ.).
- [5] Травер П.В. История и образ кабака и трактира в русской культуре. Ч. 1. Об истории кабака на Руси и трактира в России // История и современность. 2013, № 1 (17). С. 90–109.
Traver P.V. The history and image of the tavern and the inn in Russian culture. Part 1. About the history of the tavern in Russia and the inn in Russia // Istorija i sovremennost, 2013, no. 1 (17): 90–109. (In Russ.).
- [6] Курукин И.В., Никулина Е.А. «Государево кабацкое дело»: очерки питейной политики и традиций в России. М.: АСТ, 2005.
Kurukin I.V., Nikulina E.A. «The Tsar's Tavern Business»: essays on drinking policy and traditions in Russia. Moscow: AST, 2005. (In Russ.).
- [7] Сведения о питейных сборах в России. Ч. 1. СПб: Гос. канцелярия по Отделению гос. экономии, 1860.
Information about drinking fees in Russia. P.1. State Chancellery for the Department of State Economy, St. Petersburg, 1860. (In Russ.)
- [8] Горюшкина Н.Е. «Кроме кабацких денег государевым деньгам сбору нет»: питейный сбор от Ивана III до Николая II // Bylye Gody. 2014, № 33 (3). С. 382–386.
Goryushkina N.E. «Tax Collection from Taverns as the Primary Way to Replenish the National Treasury»: alcohol tax from Ivan III to Nikolai II // Bylye Gody, 2014, no. 33 (3): 382–386. (In Russ.).
- [9] Петрищев А.Б. Из истории кабаков в России. СПб: Русская скоропечатня, 1906.
Petrishev A.B. From the history of taverns in Russia. Russkaja skoropechatnja, St. Petersburg, 1906. (In Russ.)
- [10] Самовольнова О.В. Социально-философский анализ основных концепций биополитики: М. Фуко, Дж. Агамбен, А. Негри // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2017, № 4–2 (10). С. 261–271.
Samovolnova O.V. Social philosophical analysis of basic concepts of biopolitics. M. Foucault, G. Agamben, A. Negri // RGGU BULLETIN. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies, 2017, no. 4/2: 261–271. (In Russ.).
- [11] Прыжов И.Г. История кабаков в России: в связи с историей русского народа. СПб: М.О. Вольф, 1868.
Pryzhov I.G. The history of taverns in Russia: in connection with the history of the Russian people. St. Petersburg: M.O. Wolf, 1868. (In Russ.).

- [12] Гурлев И.В. Наказ царя Алексея Михайловича «О градском благочинии» 1649 года // Власть. 2019, № 5. С. 236–241.
Gurlev I.V. The Mandate of Tsar Alexei Mikhailovich «On City Deanery» of 1649 // Vlast', 2019, no. 5: 236–241. (In Russ.).
- [13] Быкова А.Г. Алкоголизм и пьянство в России в XIX — начале XX в.: из истории проблемы. Омск: Омский юридический ин-т, 2006.
Bykova A.G. Alcoholism and drunkenness in Russia in the 19th — early 20th century: from the history of the problem. Omsk: Omsk Law University, 2006. (In Russ.).
- [14] Сергеев А.В. «Трезвенное движение» 1858–1860-х годов как нетипичная форма социального протеста // История государства и права. 2018, № 12. С. 66–70.
Sergeev A.V. The Sobriety Movement of 1858 to 1860 as a Non-Typical Form of Social Protest // Istorija gosudarstva i prava, 2018, no. 12: 66–70. (In Russ.).
- [15] Горюшкина Н.Е., Колупаев А.А. Трезвенное движение в России накануне винной реформы 1863 года // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021, № 11 (4). С. 247–257.
Goryushkina N.E., Kolupaev A.A. Sober Movement in Russia on the Eve of the Wine Reform of 1863 // Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2021, no. 11(4): 247–257. (In Russ.).
- [16] Круглов В.Н. «Охранение народного здоровья» в Российской Империи: организация, функционирование, достижения, последствия (1880-е гг. — 1916 г.) // Исторические записки. 2022, № 21(139). С. 316–347.
Kruglov V.N. “Protection of public health” in Russian Empire: organization, functioning, results, consequences (1880s — 1910s) // Istoricheskie zapiski, 2022, no. 21(139): 316–347. (In Russ.).
- [17] Torke H.J. Continuity and Change in the Relations between Bureaucracy and Society in Russia, 1613–1861 // Canadian-American Slavic Studies, 1971, no. 5(4): 474–475.
- [18] Wortman R.S. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy from Peter the Great to the Abdication of Nicholas II. Princeton: Princeton University Press, 2013.
- [19] Первушин С.А. Опыт теории массового алкоголизма в связи с теорией потребностей: Докл. Комис. по вопросу об алкоголизме 3 дек. 1911 г. СПб.: Комис. 1912.
Pervushin S.A. The experience of the theory of mass alcoholism in connection with the theory of needs: Report of the Commission on Alcoholism, 3 Dec. 1911. St. Petersburg: Komis, 1912. (In Russ.).
- [20] Григорьев Н.И. О русских обществах трезвости и об их деятельности в борьбе с пьянством. СПб: Тип. М-ва пут. сообщ. (т-ва И.Н. Кушнерев и К°), 1894.

Grigoryev N.I. About Russian sober societies and their activities in the fight against drunkenness. St. Petersburg: Kushnerev and Co, 1894. (In Russ.).

- [21] Быкова А.Г. Государственно-правовое регулирование производства и продажи алкоголя в Российской империи в XIX — начале XX в. Омск: Омский юридический ин-т, 2006.

Bykova A.G. State-legal regulation of alcohol production and sale in the Russian Empire in the XIX — early XX century. Omsk: Omsk Law University, 2006. (In Russ.).

- [22] Клевцова О.В. Вклад церкви в организацию антиалкогольной политики в дореволюционной России в конце XIX — начале XX вв. (на примере Орловской епархии) // Гуманитарные и юридические исследования. 2019, № 1. С. 105–111. Klevtsova O.V The contribution of the church to the organization of anti-alcohol policy in pre-revolutionary Russia in the XIX — early XX centuries (by the example of the Orel diocese) // Humanities and law research. 2019, no. 1: 105–111. (In Russ.)